

Mìzin, Kostjantyn Ìvanovyč

Препятствия на пути к научной синергии основных версий культурной лингвистики

Opera Slavica. 2023, vol. 33, iss. 2, pp. 23-39

ISSN 1211-7676 (print); ISSN 2336-4459 (online)

Stable URL (DOI): <https://doi.org/10.5817/OS2023-2-2>

Stable URL (handle): <https://hdl.handle.net/11222.digilib/digilib.78285>

License: [CC BY-SA 4.0 International](https://creativecommons.org/licenses/by-sa/4.0/)

Access Date: 17. 02. 2024

Version: 20230705

Terms of use: Digital Library of the Faculty of Arts, Masaryk University provides access to digitized documents strictly for personal use, unless otherwise specified.

Препятствия на пути к научной синергии основных версий культурной лингвистики¹

Impediments to Scientific Synergy of Principal Versions of Cultural Linguistics

Константин Мизин

(Переяслав, Украина)

Абстракт:

В статье рассмотрены причины, препятствующие научной синергии «западной», польской и постсоветской версий культурной лингвистики (КЛ): (1) языковая «законсервированность» (2) «терминологическое безразличие» (3) профанация (4) эпигонство и (5) идеологическая предвзятость. Выявлено, что общими проблемами для всех трех версий КЛ является языковая «законсервированность» и «терминологическое безразличие», вызванные отсутствием надлежащей кооперации между представителями различных научных школ. Однако в постсоветской КЛ острота этих проблем усилена «автохтонностью» и идеологическими барьерами. Именно здесь подмена лингвометодологии «автохтонными» культурологическими идеями порождает не только профанацию и эпигонство, но и создает почву для лингвонарциссизма и даже лингвонационализма.

Ключевые слова:

культурная лингвистика; лингвокультурология; научная синергия; автохтонность; языковой барьер; «терминологическое безразличие»

---

1 Термин *версия* является, по моему мнению, более удачным, чем, например, *поднаправление* или *вариант*.

Abstract:

The article considers causes that generate impediments to scientific synergy of “western”, Polish and post-Soviet versions of Cultural Linguistics (CL): (1) language “preservation”, (2) “terminological indifference”, (3) profanation, (4) feeble imitation and (5) ideological commitment. The common problems for all three versions of CL are revealed. They are language “preservation” and “terminological indifference” that have been caused by the lack of proper cooperation between representatives of different scientific schools. Therefore, in post-Soviet CL the severity of these problems is exacerbated by autochthony and ideological barriers. Just at this point, the substitution of linguomethodology for autochthonous culturological ideas engenders not only profanation and feeble imitation, but creates a basis for linguonarcissism and even linguonationalism.

Key words:

cultural linguistics; linguoculturology; scientific synergy; autochthony; language barrier; “terminological indifference”

Введение

Во второй декаде нынешнего столетия особенно остро актуализировалась дискуссия относительно слабых мест в теоретико-философских и лингвометодологических основах такого «автохтонного, российского образования»,² как лингвокультурология (ЛК). Она происходит в контексте общей полемики ЛК-адептов³ и ЛК-оппонентов.⁴ В силу того, что критики ЛК утверждают, что часть

-
- 2 VORKAČEV, S. G.: «Kuda ž nam plyt'?» Lingvokul'turnaja konceptologija: Sovremennoje sostojanije, problemy, vektor razvitija. *Ĵazyk, komunikacija i social'naja sreda*, 2010, № 8, s. 16.
  - 3 См., напр.: ZALIZNJAK, A. A.: Russkaja semantika v tipologiĉeskoj perspektive. K voprosu o termine «ĵazykovaja kartina mira». *Russian Linguistics*, 2013, № 37 (1), s. 5–20; KOSMEDA, T.: Aktualizacija katehorij «linhvonacionalizm» i «linhvopatriotyzm» u suĉasnomu movoznavstvĭ. *Linhvistyĉni studiji*, 2017, № 32, s. 66–70; MĪZĪN, K. Ī.: Linhvokul'turnyj koncept «Kapci», abo Ńĉe raz pro metodolohiĉni slabki misĉja linhvokul'turolohiji. *Movoznavstvo*, 2017, № 6, s. 16–29; ŃMELEV, A. D.: Ĵazyk i kul'tura: jeŃt' li toĉki soprikosnovenija? *Trudy Instituta ruskogo ĵazyka im. V. V. Vinogradova*, 2014, № 1, s. 36–116.
  - 4 См., напр.: PAVLOVA, A. V.: LINGVOKUL'TUROLOGIJA v Rossii: «za» i «protiv». *Przegłqd Wschodnioeuropejski*, 2015, № 6 (2), s. 201–221; ŃAFIKOV, S.: Ĵazykovoje i ětnokul'turnoje svojeobrazije v krivom zerkale lingvokul'turologii. *Przegłqd Wschodnioeuropejski*, 2019, № 10 (1), s. 399–417; KIKLEWICZ, A.: Pol'skaja i russkaja Ńkoly kul'turnoj lingvistiki: schodstvo i razliĉije podchodov. *Przegłqd Wschodnioeuropejski*, 2019, № 10 (2), s. 273–292.

ЛК-исследований имеет лингвоарциссические и лингвонационалистические выводы,⁵ эта полемика получила даже политический оттенок.⁶

ЛК уже в течение двух десятков лет удерживает основные позиции среди лингвистических дисциплин, представляющих культуруориентированное постсоветское языкознание, то есть культурную лингвистику (КЛ) в широком смысле. Среди причин «автохтонности» ЛК есть и совсем банальная — «законсервированность». И если советская «законсервированность» была обусловлена прежде всего идеологией, то постсоветская — языковым барьером, так как постсоветская наука только сейчас становится доступной для «западных» ученых, чему способствует публикация научных работ в англоязычных изданиях. Термин «западный» взят в кавычки, так как он является условным. Данный термин обозначает западноевропейскую и североамериканскую науку, поэтому он имеет смысл только с точки зрения представителей постсоветского научного пространства, где до сих пор прослеживается противопоставление «западной» науки «отечественной», имеющее в советские времена значительный идеологический подтекст. При этом производный термин «западная культурная лингвистика» не ограничивается только западноевропейским и североамериканским языкознанием. В данной связи следует отметить, что в теоретико-философской и методологической оппозиции «западная» КЛ — постсоветская («отечественная») КЛ польская КЛ занимает «срединное» положение, отличаясь и от «западной», и от постсоветской версий. Основаниями для ее выделения являются (1) значительное влияние польских учёных на становление КЛ как направления языкознания и (2) распространенность исследований, которые выполняются в русле КЛ, в современном польском языкознании.⁷

Ограниченность собственным научным пространством стала одной из причин отсутствия серьезных сдвигов в разработке нового, научно надежного методологического инструментария в ЛК-исследованиях. В ситуации, когда когнитивная лингвистика стала «трамплином» для всех современных версий

- 5 См., напр.: PAVLOVA, A. V.: Svedenija o kul'ture i «etničeskom mentalitete» po dannym jazyka. In: PAVLOVA, A. V. (RED.): *Ot lingvistiki k mifu: lingvističeskaja kul'turologija v poiskach «etničeskoj mental'nosti»*. Sankt-Peterburg: Antologija, 2013, s. 160–240; PAVLOVA, A. V. – BEZRODNYJ, M. V.: Chitruški i jedinorog: iz istorii lingvonarcissizma. In: PAVLOVA, A. V. (red.): *Ot lingvistiki k mifu: lingvističeskaja kul'turologija v poiskach «etničeskoj mental'nosti»*. Sankt-Peterburg: Antologija, 2013, s. 138–159.
- 6 VORKAČEV, S. G.: Lingvokul'turnaja konceptologija i jeje terminosistema (prodolženije diskussii). *Političeskaja lingvistika*, 2014, № 3 (49), s. 12–20; PROŽILOV, A. V.: Lingvokonceptologija: triumfal'nyj pod"jem ili beg po «jazykovomu krugu»? *Političeskaja lingvistika*, 2015, № 1 (51), s. 12–21.
- 7 См. подробнее: KIKLEWICZ, A.: Pol'skaja i russkaja školy kul'turnoj lingvistiki: schodstvo i različije podchodov. *Przegľad Wschodnioeuropejski*, 2019, № 10 (2), s. 273–292.

КЛ⁸ — «западной», польской и постсоветской, адепты первых двух версий заимствовали от нее менее противоречивые в научном плане методологические идеи,⁹ в то время как постсоветские ученые «увлеклись» идеей «концепта», разработав на его основе такой эпистемологический конструкт, как *лингвокультурный концепт*. Последний и вызвал волну критики со стороны ЛК-оппонентов. Сам же анализ лингвокультурных концептов — «автохтонный» *концептуальный анализ* — до сих пор представляется размытым и недостаточно подкрепленным верификационно надежными исследовательскими процедурами, что создает основания для сомнений в его научной валидности. Собственного же метода ЛК, к сожалению, пока не имеет.

В этой ситуации эффективным мог бы быть обмен научными достижениями между версиями КЛ, что позволило бы устранить некоторые слабые позиции методологии ЛК, а также усилить аналитический инструментарий КЛ в целом. Однако ряд факторов, освещению которых и посвящена предлагаемая статья, создают препятствия на пути к научной синергии основных версий КЛ, особенно постсоветской и польской,¹⁰ с одной стороны, и «западной», — с другой.

Постсоветские КЛ-«автохтоны»

Под натиском оппонентов лингвокультурологи начинают признавать некоторые научно сомнительные методологические положения ЛК.¹¹ Это касается прежде всего не совсем удачного названия.¹² Так, несколько некорректное в методологическом плане название *лингвокультурология (лингвистическая*

8 Методологической основой для изучения триады *человек — язык — культура*, находящейся в центре фокуса КЛ-изысканий, является постулат когнитивной лингвистики о наличии взаимозависимости когнитивных, мыслительных и речевых механизмов человека в процессах категоризации и концептуализации объективного мира.

9 Когнитивная лингвистика, как и все научные дисциплины, представляющие когнитивную науку, имеет четко выраженную междисциплинарность. Последняя способствовала заимствованию методологического инструментария других наук, прежде всего психологических (когнитивной психологии, гештальтпсихологии и др.), поэтому когнитивная лингвистика является лишь «посредником» для ряда методологических идей, которые распространены в КЛ.

10 Несмотря на отдельную нишу, которую заняло польское языкознание в области КЛ, существует тесная связь между версиями польской и постсоветской (русской) КЛ. См. об этом: там же, с. 274.

11 MIZIN, K. – LETIUCHA, L. – PETROV, O.: Deutsche linguokulturelle Konzepte im Lichte der germanisch-ostslawischen Kontraste: Methode zur Feststellung von spezifischen bzw. einzigartigen Bedeutungen. *Germanoslavica*, 2019, № 30 (1), s. 54.

12 ŠMELEV, A. D.: Russkij jazyk i russkaja kul'tura: točki soprikosnovenija i metody izučenija. *Mir russkogo slova*, 2013, № 1, s. 39.

культурология) может вызвать у ряда исследователей, особенно в профанов и эпигонов, ложное представление об объекте и предмете изучения ЛК, провоцируя в этой области распространение псевдонаучных трудов. Последние часто имеют откровенно культурологический характер,¹³ в них почти отсутствует лингвистический анализ, а сами выводы подобного рода исследований опираются на фантазии их авторов.¹⁴

Впрочем, неудачное название ЛК является лишь одним и, к тому же, наименее значимым из тех факторов, которые уже три десятилетия создают непреодолимые препятствия на пути лингвокультурологов к разработке научно надежной методологической базы ЛК-исследований. Само же название на сегодня является устоявшимся, и появиться оно могло только в пределах постсоветского научного пространства, поскольку только здесь существует такая «автохтонная» дисциплина, как культурология.

Следует отметить, что процесс порождения «автохтонов» продолжается, и несколько позже от ЛК отделилась лингвокультурная концептология — лингвоконцептология (ЛКК).¹⁵ Однако если не принимать во внимание достаточно сомнительные и неубедительные критерии разграничения этих двух дисциплин — «лингвокультурология занимается исследованием лингвокультуры в целом, а лингвоконцептология изучает отдельные фрагменты лингвокультуры главным образом в сопоставительном аспекте»,¹⁶ то термин лингвоконцептология можно считать еще одним — параллельным — обозначением для ЛК.¹⁷ Особенно это касается тех случаев, когда ЛК-исследования посвящены изучению концептов.

13 Название культурологическая лингвистика было бы, на мой взгляд, более уместным. Это уменьшило бы, вероятно, крен в сторону культурологии.

14 См. подробнее: BEREZOVIČ, J. L.: Pseudonaučnyje postrojenja v sovremennoj lingvokul'turologii. In: JAKIMOV, P. A. (red.): Četvertyje Moisejevskije čtenija. Nacional'nyje i regional'nyje osobennosti jazyka. Č. 1. Orenburg: Orenburgskaja kniga, 2018, s. 134–137.

15 VORKAČEV, S. G.: Lingvokul'turnaja konceptologija i jeje terminosistema (prodolženije diskussii). Političeskaja lingvistika, 2014, № 3 (49), s. 12.

16 VORKAČEV, S. G.: «Kuda ž nam plyt'?» Lingvokul'turnaja konceptologija: Sovremennoje sostojanije, problemy, vektor razvitija. Jazyk, komunikacija i social'naja sreda, 2010, № 8, s. 6.

17 В современном украинском языкознании параллельным обозначением для ЛК может служить и термин *этнолингвистика*, так как часто вообще непонятно, в каком русле выполненное исследование — в лингвокультурологическом, лингвоконцептологическом или этнолингвистическом (см. примеры: MĪŽĪN, K. Ī.: Točky dotyku kul'turnoji linhvistyky i linhvokul'turolohiji: teoretyčnĭ pidvalyny ta metodolohičnyj ĭnstrumentarĭj. In: MĪŽĪN, K. Ī. (red.): Ljudyno- j kul'turoznavčĭ priorityty sučasnoho movoznavstva: naprjamy, tendenciji ta miždyscyplinarna metodolohija. Perejaslav-Chmel'nyč'kyj/Kremenčuk: Ščerbacyh, 2019, s. 79–80).

Выделение ЛКК является логичным в контексте «концептуального бума» в России.¹⁸ Этот «бум» спровоцировал стремительное распространение, начиная с конца XX века, концептологических студий. При этом заимствованное из когнитивной лингвистики понятие «концепт»¹⁹ в процессе адаптации в постсоветской научной среде «раздвоилось» под давлением мощных семиотических и культурологических традиций, в результате чего и возник «автохтонный» лингвокультурный концепт. Последний стал трактоваться, прежде всего, как «сгусток» культуры в сознании человека, а не только как ментальный конструкт (когнитивная структура), что служит для восприятия, накопления и передачи информации в ментальном пространстве человека, то есть «западная» — операционная — сущность концепта дополнилась культурными параметрами.²⁰

Кроме упомянутых выше дисциплин, советскую и постсоветскую КЛ представляют еще и этнолингвистика, и лингвострановедение,²¹ которые также являются в определенной степени «автохтонными». Хронологически упорядоченная цепочка постсоветских КЛ-«автохтонов» выглядит следующим образом: этнолингвистика → лингвострановедение → лингвокультурология → лингвоконцептология.

КЛ как направление языкознания и как научная дисциплина: терминологическая омонимия

Омонимичными могут быть названия дисциплин и определяемых ими научных направлений. Или наоборот, направление может дать омонимичное обозначение для дисциплины. Это относится и к термину *культурная лингвистика*, который обозначает (1) одно из направлений культуроориентированного (антропологического) языкознания, в фокусе внимания которого находятся три неразрывные феномена: *человек* (когниция, сознание, мышление) ↔ *язык* (речь, дискурс) ↔ *культура* (материальная и духовная культура, ценностные нормы, приоритеты и установки), а также (2) две дисциплины в пределах этого

18 SUSOV, A. A. – SUSOV, I. P.: Razmyšljenja o konceptach. *Visnyk Charkivs'koho nacional'noho universytetu im. V. N. Karazina*, 2006, № 726, s. 15.

19 Советские и постсоветские ученые не раз пытались «автохтонизировать» понятие «концепт», приписав «пионерство», например, С. Аскольдову-Алексееву, однако «концепт» Аскольдова-Алексеева и «концепт» в понимании представителей когнитивной лингвистики — совершенно разные понятия.

20 MIZIN, K. – LETIUCHA, L. – PETROV, O.: Deutsche linguokulturelle Konzepte im Lichte der germanisch-ostslawischen Kontraste: Methode zur Feststellung von spezifischen bzw. einzigartigen Bedeutungen. *Germanoslavica*, 2019, № 30 (1), s. 51.

21 См. в этой связи: KIKLEWICZ, A.: Pol'skaja i russkaja školy kul'turnoj lingvistiki: schodstvo i različije podchodov. *Przegľad Wschodnioeuropejski*, 2019, № 10 (2), s. 277–283.

направления — «западную», прежде всего австралийскую, *Cultural Linguistics* (CL) и польскую *lingwistyka kulturowa*. Со времени появления в научном пространстве первой не прошло и двадцати лет, хотя и вторая ненамного «старше»: девять лет составляет разница между выходом в свет монографии поляка Януша Анусевича²² и первыми трудами австралийского исследователя Фарзада Шарифиана,²³ в которых он начал работу над аналитическим инструментарием CL как отдельной языковедческой дисциплины.

Учитывая это, первенство в употреблении термина *культурная лингвистика* можно приписать Анусевичу. Однако следует признать, что его идеи не получили распространения ни в «западном» (преимущественно англоязычном), ни в постсоветском (преимущественно русскоязычном) языкознании через одну банальную причину — его монография написана на польском языке. Поэтому Берт Питерс считает,²⁴ что «пионерство» относительно термина *культурная лингвистика* принадлежит американскому исследователю Гэри Палмеру.²⁵ Хотя, если уж быть полностью хронологически корректным, то этим термином несколько раньше и за Анусевича, и за Палмера пользовался один из основателей когнитивной лингвистики Рональд Ленекер, который высказал мнение, что появление когнитивной лингвистики можно считать возвращением к КЛ.²⁶ При этом Ленекер понимал под КЛ не отдельную лингвистическую дисциплину, а широкое междисциплинарное направление языкознания, основанное еще на рубеже XVIII–XIX веков в трудах Вильгельма фон Гумбольдта и его последователей. Истоки этого направления восходят по некоторым наблюдениям к эпохам Просвещения (Иоганн Гердер) и Романтизма (Вильгельм фон Гумбольдт)²⁷ или даже средневекового Возрождения (Фрэнсис Бэкон), поскольку Гай Дойчер считает, что идея тесной взаимосвязи и принципиальной взаимозависимости языка и культуры народа выкристаллизовалась

22 ANUSIEWICZ, J.: *Lingwistyka kulturowa. Zarys problematyki*. Wrocław: Wydawn. Uniwersytetu Wrocławskiego, 1994, 180 s.

23 См., напр.: SHARIFIAN, F.: On Cultural Conceptualisations. *Journal of Cognition and Culture*, 2003, № 3 (3), s. 187–207.

24 PEETERS, B.: APPLIED ETHNOLINGUISTICS is cultural linguistics, but is it CULTURAL LINGUISTICS? *International Journal of Language and Culture*, 2016, № 3 (2), s. 138.

25 PALMER, G. B.: *Toward a Theory of Cultural Linguistics*. Austin: University of Texas Press, 1996.

26 LANGACKER, R. W.: Culture, Cognition, and Grammar. In: PÜTZ, M. (ed.): *Language Contact and Language Conflict*. Amsterdam: Benjamins, 1994, s. 31.

27 KIKLEWICZ, A.: Pol'skaja i russkaja školy kul'turnoj lingvistiki: schodstvo i različije podchodov. *Przegląd Wschodnioeuropejski*, 2019, № 10 (2), s. 273.

еще в XVI веке в трудах англичанина Фрэнсиса Бэкона, а несколько позже — француза Этьенна де Кондильяка.²⁸

Существует мнение, что КЛ — это часть антропологической лингвистики.²⁹ Однако справедливо, очевидно, просто признать принадлежность КЛ к антропологии, поскольку на вопрос, что служит частью чего — или КЛ является частью антропологической лингвистики, или наоборот — однозначного ответа нет. Так, американский ученый Алессандро Дуранти считает, что культурная лингвистика или «язык как культура» является, как и лингвистическая антропология, антропологическая лингвистика, этнолингвистика и социоллингвистика, отдельным направлением антропологии.³⁰ В этом случае важно, что понимают исследователи под КЛ — направление или дисциплину, потому что, если направление, то прав Дуранти, поскольку в случае толкования КЛ как культуруориентированного направления логично предположить, что именно антропологическая лингвистика служит частью последней. Если же речь идет о КЛ как о дисциплине (точнее, двух дисциплинах — «западной» и польской), то, наоборот, — более обоснованной кажется позиция Александра Киклевича.

Поэтому понимание КЛ как междисциплинарного направления языкознания является довольно распространенным именно в «западной» лингвистике, особенно в американской, где для КЛ существуют названия-синонимы: антропологическая лингвистика, лингвистическая антропология, этнолингвистика и социоллингвистика. Впрочем, несмотря на всю схожесть, за каждым из этих названий стоит самостоятельная научная дисциплина со своим объектом и предметом исследования.³¹ Но различия в теоретических и методологических основах между некоторыми из этих дисциплин настолько тонкие, что их часто отождествляют. Особенно это касается представителей постсоветского языкознания, для которых лингвистическая антропология и антропологическая лингвистика являются «чужими» дисциплинами.

Стоит отметить, что в американской гуманитарной науке термины *антропологическая лингвистика* и *этнолингвистика* часто дублируют друг друга. В то же время для постсоветских исследователей антропологическая лингвистика является «западной» наукой, а термин *этнолингвистика* обозначает и направление, и дисциплину. Постсоветская этнолингвистика в своем «чистом» виде, то

28 DEUTSCHER, G.: *Through the Language Glass: Why the World Looks Different in Other Languages*. New York: Metropolitan books, 2010, s. 3.

29 См., напр.: KIKLEWICZ, A.: Pol'skaja i russkaja školy kul'turnoj lingvistiki: schodstvo i različije podchodov. *Przegląd Wschodnioeuropejski*, 2019, № 10 (2), s. 278.

30 DURANTI, A.: Language as Culture in U.S. Anthropology: Three Paradigms. *Current Anthropology*, 2003, № 44 (3), s. 323.

31 Там же.

есть опирающаяся прежде всего на идеи этимологической школы Владимира Топорова и диалектологической школы Никиты Толстого, отличается от своего «западного» аналога, где основное внимание, в частности в американской этнолингвистике, сосредоточено главным образом на языках этнических меньшинств и социопрагматическом аспекте речевой деятельности.³² Учитывая то, что советская этнолингвистика, где пропагандировалась идея совместного общеславянского языкового и культурного пространства, вышла в свое время за пределы СССР, распространившись в других славянских странах, в большей степени в Польше, основатель Люблинской этнолингвистической школы Ежи Бартминский называет эти два варианта этнолингвистики «славянской этнолингвистикой» и «западной (англоязычной) этнолингвистикой».³³

«Терминологическое безразличие»³⁴, языковая «законсервированность» и идеологическая ангажированность в области КЛ

Несмотря на то, что в «западном» и польском языкознании термин *культурная лингвистика*, во-первых, является довольно распространенным, а во-вторых, омонимичным, что провоцирует даже некоторую терминологическую путаницу,³⁵ на постсоветском языковедческом пространстве он только начинает появляться в отдельных трудах, посвященных сравнительному изучению (1) аналитического инструментария СЛ и ЛК³⁶ и (2) этапов становления польской и постсоветской (русской) версий КЛ.³⁷ Появились также переводы на

32 CRYSTAL, D.: *The Cambridge Encyclopedia of Language*. New York: Cambridge University Press, 1987, s. 412.

33 BARTMIŃSKI, J.: Ethnolinguistics in the Year 2016. *Ethnolinguistics*, 2017, № 28, s. 18.

34 Отсутствие надлежащего контакта и взаимопонимания между адептами «западной» и постсоветской версий КЛ Питерс называет *terminological indifference* (PEETERS, B.: On Linguoculturology and Cultural Linguistics. *Vestnik NGU. Serija: Lingvistika i mežkul'turnaja komunikacija*, 2019, № 17 (4), s. 7).

35 В англоязычных исследованиях Питерс пытается разграничить КЛ-дисциплину от КЛ-направления с помощью заглавных и прописных букв (см., напр.: PEETERS, B.: APPLIED ETHNOLINGUISTICS is cultural linguistics, but is it CULTURAL LINGUISTICS? *International Journal of Language and Culture*, 2016, № 3 (2), s. 137–160; PEETERS, B.: On Linguoculturology and Cultural Linguistics. *Vestnik NGU. Serija: Lingvistika i mežkul'turnaja komunikacija*, 2019, № 17 (4), s. 6–11.).

36 MĪŽĪN, K. Ī.: Točky dotyku kul'turnoji linhvistyky i linhvokul'turolohiji: teoretyčni pidvalyny ta metodolohičnyj instrumentarij. In: MĪŽĪN, K. Ī. (red.): *Ljudyno- j kul'turoznavčĭ priorytety sučasnoho movoznavstva: naprjamy, tendenciji ta miždyscyplinarna metodolohija*. Perejaslav-Chmel'nyc'kyj/Kremenčuk: Ščerbatych, 2019, s. 71–84.

37 KIKLEWICZ, A.: Pol'skaja i russkaja školy kul'turnoj lingvistiki: schodstvo i različije podchodov. *Przegląd Wschodnioeuropejski*, 2019, № 10 (2), s. 273–292.

русский язык работ Питерса и Шарифиана, в которых изложены основные положения CL³⁸ и критерии ее разграничения с прикладной этнолингвистикой.³⁹ Впрочем, в этих переводах даже сам термин *Cultural Linguistics* передан неверно, что не только не способствует раскрытию перед постсоветскими языковедами сути CL как той дисциплины, которая все активнее заполняет нишу «западной» КЛ, но и провоцирует дальнейшее углубление терминологической неустойчивости.⁴⁰ Так, перевод на русский язык статьи Питерса с методологической точки зрения является абсолютно некорректным, поскольку термин *Cultural Linguistics* переведено термином *лингвокультурология*, что ни в коей мере недопустимо, поскольку CL и ЛК — две разные дисциплины,⁴¹ существенно отличающиеся (1) теоретико-философской основой, (2) методологическим инструментарием и (3) ареалом распространения. Некорректным также видится перевод статьи Шарифиана, где CL переведена как *культурологическая лингвистика*, в связи с тем, что культурология, как известно, является чисто советским «произведением» и к CL никакого отношения не имеет.

В таких случаях переводческая стратегия доместификации не оправдывает себя, поэтому здесь следует избегать безответственного «жонглирования» терминологией. Иначе может возникнуть абсурд, который прослеживается, например, в русскоязычной «Википедия»: «Лингвокультурология — это отрасль языкознания, которая изучает отношения между языком и культурными концептами (Sharifian, 2011)».⁴² Данное определение, заканчивающееся ссылкой на Шарифиана и касающееся якобы ЛК, является вопиющей профанацией и не имеет никакого отношения к ЛК, тем более к такому понятию, как «культурный концепт».⁴³ Такая откровенная и безнаказанная профанация — это «нож в спину» адептам ЛК, которые делают попытки вывести последнюю на новый методологический уровень. К тому же, автору/авторам этого «шедевра»

38 ŠARIF'JAN, F.: Kul'turološkičkakaja lingvistika i mežkul'turnaja komunikacija. *Filologičkakije nauki*, 2015, № 3, s. 80–97.

39 PITERS, B.: PRIKLADNAJA ÈTNOLINGVISTIKA — èto lingvokul'turologija, no LINGVOKUL'TUROLOGIJA li? *Žanry reči*, 2017, № 1 (15), s. 7–50.

40 См. подробнее: MIZIN, K. – KOROSTENSKI, J.: “Western” Cultural Linguistics and “Post-Soviet” Linguoculturology: Causes of Parallel Development. *Linguistics Studies*, 2019, № 37, s. 7–13.

41 Остается только удивляться, что сейчас, несмотря на глобализационные процессы, две научные дисциплины, почти одновременно возникшие в разных точках мира и имеющие фактически общие объект и предмет исследования, могут развиваться изолированно друг от друга.

42 LINGVOKUL'TUROLOGIJA. [online]. Доступно на: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Lingvokul'turologija>. [cit. 02.06.2022].

43 См. аналитический инструментарий CL: SHARIFIAN, F.: Cultural Linguistics. *Ethnolinguistics*, 2017, № 28, s. 33–61.

нужно осознавать ответственность за то, что известному зарубежному ученому приписано то, чем он вообще не занимается. В этой связи Н. Корина отмечает, что такое некритическое, поверхностное и даже иногда спекулятивное использование заимствованной «западной» терминологии является злободневной проблемой для русского языкознания.⁴⁴

Профанация, эпигонство,⁴⁵ пропагандируемая «автохтонность»⁴⁶ и отсутствие собственного метода привели к тому, что, несмотря на междисциплинарность, два магистральные течения постсоветской КЛ — ЛК и ЛКК — все больше «варятся в собственном соку». В итоге — результаты и выводы части ЛК-исследований продуцируются «сами для себя», то есть не имеют научной объективности. Чего только стоят такие «шедевры» украинских лингвокультурологов: «Украинская бабушка — это уникальное мировое явление. Внуков она часто любит еще больше, чем детей»; «Еще одной современной чертой украинцев является острое неприятие (особенно старшими поколениями), похабщины, грязи телепередач, осуждение безнравственности гуляющей женщины, матери-кукушки, не заботящейся о ребенке»; «В последние годы в России, в Украине одним из распространенных концептов, характеризующих современный менталитет, является «умение жить»»; «Украинский народ, несмотря на тотальное обесценивание молодежью нравственных вековых традиций, практику сожительства в гражданском браке, хочет и умеет любить. Молодые люди становятся на рушник по велению сердца и лишь изредка из-за выгоды, расчета».⁴⁷ Следует заметить, что все эти выводы совсем не имеют научной основы.

«Замкнутость» ЛК, обусловленная прежде всего ее «автохтонностью», сделала эту дисциплину удобной для идеологических манипуляций. К тому же период становления ЛК совпал с периодом целенаправленного поиска объединяющей «национальной идеи» в России, о чем в 1996 году объявил Борис Ельцин. Результатом этого поиска стала пропаганда «духовных скреп» россиян, в том числе и в ЛК-исследованиях, где распространенным является изучение таких лингвокультурных концептов, как «Духовность», «Государственность»,

44 KORINA, N. B.: Porjadok i chaos: k voprosu ob ispol'zovanii kognitivnoj metodologii v lingvističeskich issledovanijach. *Jezyk i metoda*, 2015, № 2, s. 72–73.

45 Любое «модное» научное направление порождает многочисленных псевдоадептов-халтурщиков.

46 Как следствие, ограниченность фактически одним языковым пространством — русским.

47 POTAPENKO, O. Ī. – POTAPENKO, Ja. O. – KOŽUCHOVSKA, L. P. – ČUBAN', T. V. – LEVČENKO, T. M. – BURČYK, Ī. V.: *Ukrajins'ka lnhvokul'turolohija*. Korsun'-Ševčenkivs'kyj: Havryšenko, 2014, s. 215–219.

«Соборность», «Православие», «Вера», «Патриотизм», «Справедливость», «Любовь», «Русский мир», «Русский язык», «Милосердие» и др.⁴⁸ Примечательно, что монолингвальный анализ «духовных скреп» русской лингвокультуры преобладал уже в работах «пионеров» лингвокультурологии.⁴⁹

Тот факт, что русский язык признается одной из «скреп», является односторонним свидетельством «крена» российской ЛК в сторону не только лингвонарциссизма, но и, в какой-то мере, лингвонационализма. Последний основывается на русофильных идеях и полностью зависит от политической ситуации в России. Свидетельством этому служит очевидная политическая ангажированность некоторых российских лингвокультурологов, в частности Сергея Воркачева, который утверждает, что «гражданская война в Украине — пример лингвокультурной войны: защита носителями русского языка своей языковой и культурной идентичности».⁵⁰ Возникает вопрос: это выводы лингвиста или политика? Сомнительно, что такие выводы являются результатом глубокого ЛК-исследования. Именно поддерживаемая Россией лингвонационалистическая идея способствует тому, что российские исследователи могут пренебрегать языком коренного населения регионов. Такая ситуация порождает порой парадоксальные выводы, когда автор диссертации утверждает, что «концепт «Байкал» в региональном лингвокультурном пространстве актуализирует базовые ценности духовной культуры народов Бурятии»,⁵¹ но при этом анализ языковой объективации этого концепта построен в данном исследовании исключительно на русскоязычном дискурсе, а наиболее распространенный в регионе коренной язык — бурятский — остается без внимания автора.

В отличие от постсоветской КЛ, где до сих пор прослеживается перегруженность ЛК- и ЛКК-исследований «автохтонной» теорией, которая, собственно, и является причиной слабой лингвометодологии, профанации, эпигонства и идеологических манипуляций в данной области, адепты «западной» и польской КЛ в большей степени сосредоточены на разработке эмпирического

48 См. подробнее: MÍŽIN, K. Ī.: Lihvokul'turnyj koncept «Kapci», abo šče raz pro metodolohični slabki miscja lihvokul'turolohiji. *Movoznavstvo*, 2017, № 6, s. 27–28.

49 См., напр.: VOROB'JEV, V. V.: *Lingvokul'turologičeskaja paradigma ličnosti*. Moskva: RUDN, 1996.

50 VORKAČEV, S. G.: Lingvokul'turnaja konceptologija i jeje terminosistema (prodolženije diskussii). *Političeskaja lingvistika*, 2014, № 3 (49), s. 14.

51 ŽIGAČEVA, Je. S.: *Koncept BAJKAL v regional'noj lingvokul'ture*. Ulan-Udè: Burjatskij gosudarstvennyj universitet, 2015, s. 8.

компонента своих исследований.⁵² Примером может служить четко проработанный аналитический инструментарий CL, представленный культурными концептуализациями, лежащими в основе языка и речевой деятельности, — культурными схемами, культурными категориями и культурными метафорами. Последние являются тремя основными «ключами» для раскрытия особенностей языковой объективации культурной когниции в различных лингвокультурах.⁵³ Научная валидность этих инструментов подтверждена многочисленными исследованиями в области когнитивной лингвистики, с которой они и заимствовались в CL, претерпев определенные трансформации. К тому же понятие «культурная концептуализация» разработано на базе теоретических и методологических положений таких научных дисциплин, как когнитивная психология, наука о поведении сложных систем (англ. Complexity Science), наука о распределенной когниции (или распределенное познание; англ. Distributed Cognition) и антропология. К сожалению, о некоторых из этих дисциплин постсоветские исследователи не имеют никакого представления, а научно проверенная методология когнитивной психологии, психолингвистики, гештальтпсихологии, корпусной лингвистики привлекается лишь в незначительной части ЛК-исследований.

В этой ситуации возникает острая потребность в научной синергии рассматриваемых версий КЛ, о чем отмечают и представители «западной» КЛ, в частности Питерс: «[...] нам просто необходимо создать больше синергии между западным и постсоветским подходами к культурной лингвистике. С обеих сторон необходима тяжелая работа для того, чтобы признать друг друга, учиться друг у друга, достичь друг друга».⁵⁴

Выводы

В предлагаемой статье рассматриваются некоторые факторы, которые создают препятствия на пути к научной синергии «западной», польской и постсоветской версий КЛ: языковую «законсервированность», «терминологическое безразличие», профанацию, эпигонство и идеологическую ангажированность:

1. языковая «законсервированность» является общей проблемой для всех трех версий КЛ, однако для постсоветской КЛ она является особенно острой.

52 KIKLEWICZ, A.: Pol'skaja i russkaja školy kul'turnoj lingvistiki: schodstvo i različije podchodov. *Przegląd Wschodnioeuropejski*, 2019, № 10 (2), s. 278; MIZIN, K. – KOROSTENSKI, J.: «Western» Cultural Linguistics and «Post-Soviet» Linguoculturology: Causes of Parallel Development. *Linguistics Studies*, 2019, № 37, s. 10–11.

53 SHARIFIAN, F.: Cultural Linguistics. *Ethnolinguistics*, 2017, № 28, s. 33–61.

54 PEETERS, B.: On Linguoculturology and Cultural Linguistics. *Vestnik NGU. Serija: Lingvistika i mežkul'turnaja komunikacija*, 2019, № 17 (4), s. 9.

Прежде всего это касается таких дисциплин, как ЛК и ЛКК, в которых языковая «законсервированность» усилена «автохтонностью» и идеологическими барьерами;

2. терминологическая неустойчивость сбивает с толку даже опытных исследователей, а игнорирование этой проблемы в области КЛ приводит к «терминологическому безразличию». Последнее в значительной мере объясняется языковой «законсервированностью» и отсутствием надлежущей кооперации между представителями различных научных школ. При этом «терминологическое безразличие» постсоветской КЛ обусловлено еще и идеологической (политической) ангажированностью;
3. профанация и эпигонство свойственны в большей степени постсоветской КЛ, где культивируются «автохтонные» культурологические идеи. Четко выражена культивация этих идей препятствует усилению аналитического инструментария. Особенно это касается ЛК- и ЛКК-исследований, в которых «автохтонность» создает еще и основу для лингвонарциссизма и даже лингвонационализма.

Перспектива данного исследования видится в поиске путей устранения тех факторов, которые создают препятствия на пути к научной синергии версий КЛ. При этом надо учитывать то, что научная синергия предусматривает прежде всего обмен научными достижениями, в том числе и взаимную апробацию новой — научно объективной — методологии, и упорядочение терминологии. Это включает также (1) перевод знаковых для каждой версии КЛ трудов, (2) работу над терминологическими словарями и (3) печатание различных критических материалов, что позволит «западным» лингвистам получить более четкое представление о теоретических основах и эмпирических исследованиях в области ЛК, а языкознание постсоветского пространства сможет преодолеть географические и идеологические барьеры, которые до сих пор ограничивают его.

Библиография:

- ANUSIEWICZ, J.: *Lingwistyka kulturowa. Zarys problematyki*. Wrocław: Wydawn. Uniwersytetu Wrocławskiego, 1994, 180 s. ISBN 8322911203.
- BARTMIŃSKI, J.: Ethnolinguistics in the Year 2016. *Ethnolinguistics*, 2017, № 28, s. 9–31. ISSN 0860-8032, E-ISSN 2449-8335.

- BEREZOVÍČ, Je. L.: Pseudonaučnyje postrojenija v sovremennoj lingvokul'turologii. In: JAKIMOV, P. A. (red.): *Četvertyje Moisejevskije čtenija. Nacional'nyje i regional'nyje osobennosti jazyka*. Č. 1. Orenburg: Orenburgskaja kniga, 2018, s. 132–138. ISBN 978-5-94529-076-1.
- CRYSTAL, D.: *The Cambridge Encyclopedia of Language*. New York: Cambridge University Press, 1987, 472 s. ISBN 978-0-521-51698-3.
- DEUTSCHER, G.: *Through the Language Glass: Why the World Looks Different in Other Languages*. New York: Metropolitan books, 2010, 305 s. ISBN 978-0-8050-8195-4.
- DURANTI, A.: Language as Culture in U.S. Anthropology: Three Paradigms. *Current Anthropology*, 2003, № 44 (3), s. 323–347. E-ISSN 1537-5382.
- KIKLEWICZ, A.: Pol'skaja i russkaja školy kul'turnoj lingvistiki: schodstvo i različije podchodov. *Przegląd Wschodnioeuropejski*, 2019, № 10 (2), s. 273–292. ISSN 2081-1128.
- KORINA, N. B.: Porjadok i chaos: k voprosu ob ispol'zovanii kognitivnoj metodologii v lingvističeskich issledovanijach. *Język i metoda*, 2015, № 2, s. 69–80. ISSN 2299-5668.
- KOSMEDA, T.: Aktualizacija katehorij «linhvonacionalizm» i «linhvopatriotyzm» u sučasnomu movoznavstvi. *Linhvistyčni studiji*, 2017, № 32, s. 66–70. ISSN 1815-3070.
- LANGACKER, R. W.: Culture, Cognition, and Grammar. In: PÜTZ, M. (ed.): *Language Contact and Language Conflict*. Amsterdam: Benjamins. 1994, s. 25–53. ISBN 9789027221421.
- LINGVOKUL'TUROLOGIJA. [online]. Доступно на: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Lingvokul'turologija>. [cit. 02.06.2022].
- MIZIN, K. – KOROSTENSKI, J.: “Western” Cultural Linguistics and “Post-Soviet” Linguoculturology: Causes of Parallel Development. *Linguistics Studies*, 2019, № 37, s. 7–13. ISSN 2308-0019.
- MIZIN, K. – LETIUCHA, L. – PETROV, O.: Deutsche linguokulturelle Konzepte im Lichte der germanisch-ostslawischen Kontraste: Methode zur Feststellung von spezifischen bzw. einzigartigen Bedeutungen. *Germanoslavica*, 2019, № 30 (1), s. 49–70. ISBN 1210-9029.
- MĪZĪN, K. Ī.: Linhvokul'turnyj koncept «Kapci», abo šče raz pro metodolohični slabki mīscja linhvokul'turolohiji. *Movoznavstvo*, 2017, № 6, s. 16–29. ISSN 0027-2833.
- MĪZĪN, K. Ī.: Točky dotyku kul'turnoji linhvistyky i linhvokul'turolohiji: teoretyčni pidvalyny ta metodolohičnyj instrumentarij. In: MĪZĪN, K. Ī. (red.): *Ljudynoj kul'turoznavči priorytety sučasnoho movoznavstva: naprjamy, tendenciji ta miž-dyscyplinarna metodolohija*. Perejaslav-Chmel'nyc'kyj/Kremenčuk: Ščerbatych, 2019, s. 71–84. ISBN 978-617-639-227-9.
- PALMER, G. B.: *Toward a Theory of Cultural Linguistics*. Austin: University of Texas Press, 1996, 360 s. ISBN 978-0-292-76569-6.

- PAVLOVA, A. V. – BEZRODNYJ, M. V.: Chitruški i jedinorog: iz istorii lingvonarcissizma. In: PAVLOVA, A. V. (red.): *Ot lingvistiki k mifu: lingvističeskaja kul'turologija v poiskach «ètničeskoj mental'nosti»*. Sankt-Peterburg: Antologija, 2013, s. 138–159. ISBN 978-5-94962-232-2.
- PAVLOVA, A. V.: Lingvokul'turologija v Rossii: «za» i «protiv». *Przegład Wschodnioeuropejski*, 2015, № 6 (2), s. 201–221. ISSN 2081-1128.
- PAVLOVA, A. V.: Svedenija o kul'ture i «ètničeskom mentalitete» po dannym jazyka. In: PAVLOVA, A. V. (red.): *Ot lingvistiki k mifu: lingvističeskaja kul'turologija v poiskach «ètničeskoj mental'nosti»*. Sankt-Peterburg: Antologija, 2013, s. 160–240. ISBN 978-5-94962-232-2.
- PEETERS, B.: APPLIED ETHNOLINGUISTICS is cultural linguistics, but is it CULTURAL LINGUISTICS? *International Journal of Language and Culture*, 2016, № 3 (2), s. 137–160. E-ISSN 2214-3165.
- PEETERS, B.: On Linguoculturology and Cultural Linguistics. *Vestnik NGU. Serija: Lingvistika i mežkul'turnaja komunikacija*, 2019, № 17 (4), s. 6–11. ISSN 1818-7935.
- PETERS, B.: PRIKLADNAJA ÈTNOLINGVISTIKA – èto lingvokul'turologija, no LINGVOKUL'TUROLOGIJA li? *Žanry reči*, 2017, № 1 (15), s. 7–50. ISSN 2311-0740.
- POTAPENKO, O. Ī. – POTAPENKO, Ja. O. – KOŽUCHOVŠ'KA, L. P. – ČUBAN', T. V. – LEVČENKO, T. M. – BURČYK, Ī. V.: *Ukrajins'ka linhvokul'turolohija*. Korsun'-Ševčenkivs'kyj: Havryšenko, 2014, 350 s.
- PROŽILOV, A. V.: Lingvokonceptologija: triumfal'nyj pod"jem ili beg po «jazykovomu krugu»? *Političeskaja lingvistika*, 2015, № 1 (51), s. 12–21. ISSN 1999-2629.
- SHARIFIAN, F.: Cultural Linguistics. *Ethnolinguistics*, 2017, № 28, s. 33–61. E-ISSN 2449-8335.
- SHARIFIAN, F.: On Cultural Conceptualisations. *Journal of Cognition and Culture*, 2003, № 3 (3), s. 187–207. ISSN 1568-5373.
- SUSOV, A. A. – SUSOV, I. P.: Razmyšlenija o konceptach. *Visnyk Charkivs'koho nacional'noho universytetu im. V. N. Karazina*, 2006, № 726, s. 14–20. ISSN 2075-5457 (print), ISSN 2220-9697 (online).
- ŠAFIKOV, S.: Jazykovoje i ètnokul'turnoje svojeobrazije v krivom zerkale lingvokul'turologii. *Przegład Wschodnioeuropejski*, 2019, № 10 (1), s. 399–417. ISSN 2081-1128.
- ŠARIF'JAN, F.: Kul'turologičeskaja lingvistika i mežkul'turnaja komunikacija. *Filologičeskije nauki*, 2015, № 3, s. 80–97. ISSN 2782-4543 (online); ISSN 1997-2911 (print).
- ŠMELEV, A. D.: Jazyk i kul'tura: jest' li točki soprikosnovenija? *Trudy Instituta ruskogo jazyka im. V. V. Vinogradova*, 2014, № 1, s. 36–116. ISSN 2311-150X.
- ŠMELEV, A. D.: Russkij jazyk i russkaja kul'tura: točki soprikosnovenija i metody izučenija. *Mir russkogo slova*, 2013, № 1, s. 37–42. ISSN 1811-1629.

VORKAČEV, S. G.: «Kuda ž nam plyt'?» Lingvokul'turnaja konceptologija: Sovremennoje sostojanije, problemy, vektor razvitija. *Ĵazyk, komunikacija i social'naja sreda*, 2010, № 8, s. 5–27. ISSN 2224-0101 (print), 2224-1078 (online).

VORKAČEV, S. G.: Lingvokul'turnaja konceptologija i jeje terminosistema (prodolženije diskussii). *Političeskaja lingvistika*, 2014, № 3 (49), s. 12–20. ISSN 1999-2629.

VOROB'JEV, V. V.: *Lingvokul'turologičeskaja paradigma ličnosti*. Moskva: RUDN, 1996, 170 s.

ZALIZNJAK, A. A.: Russkaja semantika v tipologičeskoj perspektive. K voprosu o termine «ĵazykovaja kartina mira». *Russian Linguistics*, 2013, № 37 (1), s. 5–20. E-ISSN 1572-8714.

ŽIGAČEVA, Je. S.: *Koncept BAĴKAL v regional'noj lingvokul'ture*. Ulan-Udè: Burjatskij gosudarstvennyj universitet, 2015, 254 s. [dissertacija].

About the author

Kostiantyn Mizin

Hryhorii Skovoroda University in Pereiaslav, Faculty of Ukrainian and Foreign Languages, Department of Foreign Philology, Translation and Teaching Methodology, Pereiaslav, Ukraine

kmizin@i.ua

<https://orcid.org/0000-0002-5216-6032>

This work can be used in accordance with the Creative Commons BY-SA 4.0 International license terms and conditions (<https://creativecommons.org/licenses/by-sa/4.0/legalcode>). This does not apply to works or elements (such as images or photographs) that are used in the work under a contractual license or exception or limitation to relevant rights.

